

ИГРУШКИ СЕРГИЕВСКОГО КРАЯ

«Столицей игрушечного царства был Сергиев Посад. По народным преданиям первую деревянную игрушку сделал сам преподобный Сергей, – писал Борис Шергин. – Он будто бы сам вырезал (“этим самым ножом в ножнице на ремешке”) из липы птичек, коньков и дарил “на благословение” детям.

Исследователи полагают, что здешнее, столь древнее и широкое, славное по всей России искусство деревянной игрушки вышло в XV веке из лаврской резной мастерской, вышла игрушка с легкой, мудрой и хитрой руки инок Амвросия. Образцы высокого художества Амвросия – резные кресты, панагии – хранятся в Лавре».

Село Богородское, что в километрах 27 от Сергиева Посада, по сейчас сохранило мастерство резной деревянной игрушки. Художница Татьяна Грушевская (1885–1976), работавшая в Загорском историко-художественном музее, писала: «Еще в 1934 году село Богородское производило впечатление своеобразной патриархальности быта. Лежащее на холме, оно до глубины каждого кустика пронизано солнцем, солнце стоит как будто бы ближе к селению, чем к окружающему его поясу лесов, темными пятнами лежащих на спусках холмов и в долинах речек. Светлое дерево липы в руках богородских мастеров точно также светится солнечным блеском в лучистых орнаментах птичьих крылышек, в струящихся линиях меха баранов и медведей, в березовых листочках, дрожащих на тонких проволочных спиральях».

Когда-то село принадлежало Троице-Сергиевому монастырю. Сохранились сведения, что Петр I дарил своему сыну, царевичу Алексею богородских «кузнецов» и «секачей на колесах». Часть игрушек отправляли в Посад неокрашенными. Краски наносили уже в Посаде. Это так называемые «барыни и гусары», заменявшие неимущим людям фарфоровые фигурки. А еще раскрашивали в Посаде солдатиков. О них так вспоминал художник

Александр Бенуа (1870–1960): «...Почти ничего не стоили военные игрушки народные, иначе говоря, те деревянные солдатики, которых можно было купить за несколько копеек на любом рынке... Нравились они мне по двум причинам – и потому, что они были раскрашены в особенно яркие и глубокие “колеры”, и потому, что они восхитительно пахли, “пахли игрушками”, – пахли тем чудесным запахом, которым густо были напитаны и игрушечные лавки».

Делали в Богородском и игрушки, сохранявшие естественный цвет дерева. Ведь порезки хорошо передают фактуру одежды или шерсти животного, окраска же сделала бы их менее эффектными. А вот для игрушек с гладкими поверхностями богородские мастера обязательно применяли краску. Так, в классическом варианте «кур на кругу» красной краской окрашивают хвосты и гребешки, да еще на туловище наносят несколько мазков красной и черной краски. Интереснее всего для детей, конечно, были игрушки «с движением» – на планках, с балансом, на пружинках. Это «кузнецы», «куры на кругу», «дергунчики» – медведи и совы, «солдаты на разводах», «щелкуны. Одного такого щелкуна мы видим на картине Валентина Серова «Девочка с персиками».

В 1960–1970-е годах героями богородской игрушки «с движением» стали медведи. Идея пришла в голову потомственному мастеру И.И. Зинину, и скоро эта игрушка стала очень популярной. Оказалось, что все новинки науки и техники – от освоения космоса до работы на компьютере – может «освоить» и игрушечный медведь. Некоторая неуклюжесть зверя и тонкость работы, которой он занимается, рождает добрую улыбку.

Деревня Богородское по сей час сохранила мастерство резки деревянной игрушки.

«А вообще сергиевская игрушка, – как писал Шергин, – это истинная радость и для ребенка, и для художника – многолика и разнообразна была она по материалу и по искусству.

Игрушка и всякое художество было народным промыслом, “хлебом” здешнего края, овейного, осененного светом Радонежа. “Не сами, по родителям”, скромно говорят о себе местные художники-кустари. Кругом “эти бедные селенья, эта скудная природа”, из подслеповатого оконца, из низеньких дверей избушки, где живет и творит деревенский игрушечник, видны тощие нивы, глиняные, ухабистые дороги, “серенькое русское небо”, а на убогом дощаном столике, на полках и на печке праздник красок, царство сказки, радость цвета и формы. Дерево, жость, бумага, все сияет и горит цветом небесно-голубым, ало-огненным, радуга позавидует яркости злато-соломенных, изумрудно-зеленых, брусничных, маковых, сахарных, седых, облакитных, бирюзовых, жарких тонов и цветов».

Развитие промысел, очевидно, получил потому, что сбывали игрушки прежде всего богомольцам, приходившим в Лавру. Ведь пешие богомольцы обычно оставляли детей дома. А какой гостинец принести ребенку с богомолья? Ну, конечно, игрушку! Вот и работали кустари и деревянную игрушку, и игрушку из папье-маше, и тряпичную.

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) вспоминал о том, как он бывал в детстве в Сергиевом Посаде: «Родители мои посещали Лавру почти ежегодно и не раз; моя мать любила останавливаться в Старой лаврской гостинице и не торопилась уезжать. Живали мы и зимою, и во всякое время года. Эти зимние пребывания мне особенно памятливы. Бывало, любуешься из окна, как по воскресным дням вся площадь заставлена возами, какое шумное и возбужденное оживление на базаре.

Памятна и дорога мне аллея под стенами Лавры со своими лавочками, в которых из года в год продавались все те же неизменные чашечки с цветками, кринки для масла с крышками и с выпуклыми изображениями грибов или же планы и маленькие здания Лавры в виде игрушек, расставленных по соответствующим местам. Но всего более привлекали деревянные зеленые лягушки размера и вида настоящих, под которыми находилась дощечка, обмазанная клеем. Она приспособлялась таким

образом, что когда отклеивалась, лягушка сама собою прыгала по полу. Как давно знакомы мне эти книжные лавочки с иконами и свечами, с четками и поясками...».

Эти воспоминания относятся, видимо, к 1850-м годам. Судя по книге И. Шмелева «Богомолье», ассортимент игрушек оказался гораздо шире уже к концу 1870-х: «Потом ходим в игрушечном ряду у стен, под Лаврой. Глаза разбегаются – смотреть. Игрушечное самое гнездо у Троицы, от Преподобного повелось: и тогда с ребятенками стекались. Большим – от святого радость, а несмысленным – игрушечка: каждому своя радость.

Всякое тут деревянное точенье: коровки и овечки, вырезные лесочки и избушки, и кующие кузнецы, и кубарики, и медведь с мужиком, и точеные яйца, дюжина в одном: все разноцветные, вложенные друг в дружку, с красной горошинкой в последнем – не больше кедрового орешка. И крылатые мельнички-вертушки, и волчки-пузанки из дерева, на высокой ножке, и волчки заводные, на пружинке, с головкой-винтиком, раскрашенные под радугу, поющие; и свистульки, и оловянные петушки, и дудочки жестяные, розанами расписанные, царапающие закраинками губы; и барабанчики в золоченой жести, радостно пахнущие клеем и крепкой краской, и всякие лошадки, и тележки, и куколки, и саночки лубяные, и... И сама Лавра-Троица, высокая розовая колокольня со всеми церквями, стенами, башнями, – разборная. И вырезные закуски на тарелках, кукольные, с пятак, сочно блестят, пахнут чудесной краской: и спелая клубника, и пупырчатая малинка, совсем живая; и красная, в зелени, морковка, и зеленые огурцы; и раки, и икорка зернистая, и семужий хвост, и румяный калач, и арбуз алый – сахарный, с черными зернышками на взрезе, и кулебяка, блины стопочкой, в сметане... Тут и точеные шкатулки с прокладкой из уголков и крестиков, с подпалами и со слезой морской, называемой перламутр; и корзиночки и корзины – на всякую потребу. И веселые палатки с сундучками, блистающие, как ризы в церкви. И образа, образа, образа – такое небесное сиянье! – на всякого святого».

Но вот загадочных прыгающих лягушек Шмелев уже не видел. Он упомянул игрушку «Лавру». О ней так писал директор Сергиевского историко-художественного музея А.Н. Свирин: «Следует отметить, что внешний яркий облик лавры вошел в народное творчество в виде “игрушки лавры”, изготавливаемой местными кустарями. По своим художественным достоинствам эта игрушечная “лавра” нечто гораздо большее, чем простая игрушка – в ней кустарь-художник с большим чувством и пониманием форм здания сумел передать все типичные особенности и пропорции каждой постройки, создав в общем пеструю, полуфантастическую сказку-игрушку». Эта игрушка в 1920-е годы завершала собой экспозицию архитектурного отдела музея.

Игрушечный промысел быстро развивался. Игрушки сбывали не только у стен Лавры, но отвозили в Москву сначала гужевым транспортом, потом по железной дороге (железнодорожное сообщение было открыто в августе 1862 года). Из Москвы товар развозили по всей России.

Немало было и игрушек из папье-маше. Много делали коней на колесиках и на качалке. Головки у нарядных кукол-«талией» тоже были из папье-маше. А сама кукла была разодета, как городская модница. И еще всякие игрушки мастерили посадские умельцы, но особенно прославилась матрешка. Кто придумал первую матрешку, и когда точно это произошло – теперь уже трудно установить. Видно, никто не предполагал вначале, какую популярность она приобретет. Вот и не обратили вовремя на нее внимания. Известно только, что выточил первую матрешку токарь В.П. Звездочкин. И произошло это в Москве, в мастерской «Детское воспитание», принадлежавшей М.А. Мамонтовой. Но кто же был художником, кто придумал расписать ее, как девочку? Чаще всего называют имя известного живописца и графика Сергея Малютина (1859–1937), увлекавшегося народным искусством. Произошло это в конце XIX века. А известность матрешке принесла Всемирная выставка в Париже в 1900 году. Так что матрешке всего-то сто небольшим лет, а кажется – она была всегда.

Одна из первых матрешек – девочка с черным петухом – находится в Художественно-педагогическом музее игрушки в Сергиевом Посаде. А рядом – японские игрушки: деревянные куклы кокэси и мудрец Фукурума. Предполагают, что замысел матрешки и возник, когда кто-то привез из Японии такие игрушки. Но матрешка полая, в ней помещаются еще одна за другой матрешки все меньше и меньше, а кокэси – изящная, тонкая, ее туловище сплошное. Мудрец разъемный, в него входят другие фигурки, только назвать эту игрушку красивой – трудновато. А матрешка такая милая! Прозвали ее так не случайно. Матрена – имя деревенское. Вспомним Пушкина. Он назвал Татьяной свою героиню:

*Итак, она звалась Татьяной.
Впервые именем таким
Страницы нашего романа
Мы своевольно освятим...*

С легкой руки Пушкина имя Татьяна перестало быть простонародным. Но даже Пушкин не решился сохранить подлинное имя дочери Кочубея. В поэме «Полтава» героиню зовут Марией. На самом же деле ее звали Матреной. В России конца XIX– начала XX века матрешками называли девочек, привезенных из деревни в город, в прислуги, милых и слегка неуклюжих. Такую девочку в сарафанчике с фартучком, в платочке, круглолицую и румяную, и изобразил Малютин. Когда матрешку увидели в Сергиевом Посаде, ахнули. Кустари быстро освоили новую игрушку. Ведь издавна точили они пасхальные яйца – одно в одном. Потом матрешку делали в городе на фабриках игрушек. В последнее время ею занялись и профессиональные художники, создавая авторские экземпляры этой игрушки. По всему видно, что матрешке суждена еще долгая жизнь.